

Наши юбиляры

СООБЩНИЧЕСТВО КАРАНДАША И БУМАГИ

Васлуженной писательнице

Эстонской ССР

Эмэ БЭЭКМАН — 50

О сообщничестве
карандаша и бумаги!
Ты подобно содружеству
путника и дороги.
А точнее — содружеству
воина и равнины...

Каждый по-своему оберегает свою индивидуальность. Есть писатели, охотно расширяющие круг общения. Они часто выступают, встречаются с читателями, участвуют в обсуждениях своих книг. Им важно подчеркнуть, декларировать близость своей биографии и своего творчества, судьбы творения и судьбы творца.

И есть другие — к ним принадлежит Эмэ Бээкман, — которые проводят резкую грань между своей жизнью и жизнью своих книг, между лично пережитым и отраженным в творчестве, между увиденным и созданным воображением. Максимум, что они хотят сказать, они вкладывают в свои книги, а дальнейшие разговоры, касающиеся того, что не вместились под обложку, кажутся

им в значительной мере праздными.

Эмэ Бээкман человек скорее замкнутый, чем общительный. Но это — не высокомерие. Это неприязнь к «светской», порхающей болтовне, не требующей ни напряжения, ни сосредоточенности. Ее присутствие побуждает либо к сдержанному молчанию, либо уж к разговору, содержащему мысль и проблему.

Никогда прямо не используя в произведениях свою биографию, Эмэ Бээкман всегда умышленно избегает и прямого цитирования жизни других реальных людей. Она убеждена, что писатель не может остаться до конца объективным, описывая даже самого близкого ему человека, а потому самоузнавание может оказаться обид-

ным, ранить. Впрочем, эта щепетильность, возведенная в ранг творческого принципа, вовсе не мешает узнаванию в романах себя или своих знакомых.

Однажды в доме Эмэ Бээкман раздался телефонный звонок. Сначала в трубке молчали, затем раздался рыдания. Женщина прочла роман «Час равноденствия» и стала объяснять писательнице, что и как она собирается изменить, исправить в своей жизни.

В этой истории нет ни малейшего намека на парадокс. В литературном произведении нас часто волнует прежде всего тождество — целой судьбы или одного настроения, социальной проблемы или внутренних ощущений — тождество с тем, что волнует нас самих или может волно-

вать. И здесь художественный вымысел, подразумевающий, с одной стороны, обобщение, а с другой, скрупулезную детализацию, может достигать цели скорее, чем документ.

Трудно было бы выделить какую-то одну главную тему, один главный стержень, определяющий творческий поиск Эмэ Бээкман. Да ее романы, кажется, и не дают к этому повода. Если говорить о стиле, то одни из них написаны в традиционной бытописательной манере, действие их развивается последовательно и неторопливо, зато другие написаны в манере гротесковой, сатирической, и их действие образует причудливое сочетание мозаичных сколков. Если говорить о времени, то есть романы, обращенные в прошлое, и они требуют исторической точности, но есть и другие, моделирующие будущее, требующие свободного полета фантазии. Если говорить о тематике, то есть романы, поднимающие, формулирующие важные социальные проблемы, и они предполагают знание смежных профессий, центральным местом действия других становится внутренний мир героев, они предполагают психологическую глубину, тонкую нюансировку...

И все-таки, вовсе не пытаюсь наперекор всей критике найти безусловное единство в столь разных произведениях, мне хочется процитировать слова героини романа «Час равноденствия»: «Для тех, кто сложил руки ожидает прихода лучших времен, эти времена никогда не настанут».

«Час равноденствия» — книга о нашей молодой современнице, погрязшей в бездуховном, бесцельном существовании. Орви, как и всех, снадала мечта о счастье, но счастье свое она хотела выстроить вне людей, вопреки им, порвав с ними все нравственные связи. И оказалось, что жизнь ее повисла над бездной — бездной одиночества, в которую гулко падали, не наполняя, деньги, уют, благополучие, расчет, не наполняя и не искупая тоску. Автор застиг героиню в час равноденствия — в час, когда силы добра и зла, света и тени, мужества и безволия находятся в едином противостоянии. В час, когда можно и нужно решиться на другую жизнь, потому что «во всем, определяющем ход жизни человека, сам человек в большей или меньшей мере принимает участие».

Думается, именно час равноденствия всегда отмечается на циферблате романов Эмэ Бээкман, думается, всегда волнует писательницу проблема становления личности, ее ответственность перед своим духовным миром, а тем самым, перед другими людьми. Вспомним, например, роман «Листопад». Произведение это композиционно и стилистически многослойно: вольные путевые заметки сопряжены в нем с десятками сжатых, словно анкетных, исповедей различных людей и самого автора, а мучительно подробные рассказы о медицинских процедурах, которые проходят больные туберкулезом, с философскими раздумьями о смысле жизни. И ни один из этих пластов не существует самостоятельно, все они центроостремительно движутся к одной и той же цели. Героиня произведения, от лица которой ведется повествование, назвала роман «Открытый

круг». Название это символично. Разомкнуть круг — значит впустить в свой замкнутый личностный мир судьбы и беды других людей, преодолеть барьер скрытности и недоверия, искать сближений и совпадений в далеком и, казалось бы, разном. Камертон своим переживаниям ищет героиня романа. Ищет выхода из замкнутого круга своей болезни и находит, откликаясь на чужие судьбы. Эмэ Бээкман пишет: «Есть на свете такие места, где необходимо побывать каждому. Там, где ты когда-то с удивлением осознал: я жив». С осознания «я жив» и начинается сострадание, начинается сопереживание, начинается ответственность за все живое на земле.

Гимн мужеству жить, несмотря на беды и невзгоды, мужеству оставаться самим собой и идти избранным путем, придает особый пафос историческим романам писательницы. Роман «Чертоцвет» отбрасывает нас в век минувший. Мы оказываемся в жизни медленной и протяжной, проходящей под скрип телеги и удары топора, жизни, чья сущность — работа и нужда, взаимосвязанные, переплетенные, неразлучные. Мы оказываемся в избе, похожей «на большую скотину, которая линия и клочок за клочком скидывала свою шерсть на землю, где ее втапывали в грязь». Мы видим женщину, горящую от дождя, в шерстяной юбке, ставшей от воды теплой, «как только что содранная шкура зверя». Жизнь, обложившая людей, как волков, флажками нужды и отчаяния. Но эта жизнь не способна подавить протест, таящийся в сердце главной героини произведе-

ния — Явы, чье яростное, стойкое сопротивление обстоятельствам связывают люди деревни с дьявольским началом. Ява растит детей, руки ее тянутся к работе, а мысли ее заняты мечтой о свободе, которая неизбежно должна прийти...

Человек обязан быть творцом жизни, а не покорным ее потребителем! Эта мысль звучит во многих произведениях писательницы, проследивается она и в «Шарманке», созданной средствами условного, фантастического повествования. В ней герои самозабвенно трудятся на ниве УУМа — управления учета мнений, бюрократического порождения бездуховной, стандартизированной жизни-игры. Игры, созданной бессмысленным потреблением плодов прогресса, игры, лишаящей человека чувств, эмоций, души. Разающий сарказм писательницы, словно лучом прожектора, высвечивает человека, заставляя его «выбыть» из ежедневной гонки и спешки, задуматься — не грозит ли и ему стать придатком автомата, роботом...

Недавно был опубликован роман Эмэ Бээкман «Свободный бег». Тема человека, раздавленного и обезображенного бездуховностью, прозвучала в нем с новой силой.

Написано более десяти романов, в каждом из них — особый, большой пласт жизни, особый ракурс его показа, радующий, удивляющий и узнаванием, и открытием. Впереди — новая работа.

И каждое утро рука в волнении замирает над письменным столом, в ожидании чуда соединения карандаша и бумаги.

Е. СКУЛЬСКАЯ.